

Пьер
Леметр

ТРИ ДНЯ
И ВСЯ ЖИЗНЬ

Annotation

Тихий городок, затерянный в горах на северо-западе Франции. Тихая жизнь. Но все может перемениться в один миг. Двенадцатилетний Антуан случайно видит, как сосед добывает дворнягу, попавшую под машину. Глубоко потрясенный, подросток отправляется в лес, решив укрыться в своем шалаше между ветвями бука. Его бессильная ярость почему-то обрушивается на сына соседа – малыша Рене, увязавшегося следом. Нечаянно нанесенный удар оказывается роковым. Антуан, охваченный паникой, сознает, что, как только его разоблачат, вся жизнь будет разрушена. Он прячет тело Рене под корнями поваленного дерева и следующие два дня, парализованный страхом, ждет ареста. Кажется, кольцо вокруг него вот-вот сомкнется. Но происходит непредвиденное событие, которое совершенно меняет ситуацию...

Впервые на русском.

Пьер Леметр

Три дня и вся жизнь

* * *

Посвящается Паскалине

Моему другу Паскалю Трюмеру с любовью

В конце декабря 1999 года на Боваль внезапно обрушилась цепь трагических событий, из коих в первую очередь, разумеется, следует упомянуть исчезновение маленького Реми Дэме. Внезапная пропажа ребенка в этом сонном лесистом краю вызвала оцепенение, и многие обитатели даже расценили это как знак грядущих бедствий.

Для Антуана, оказавшегося в центре драмы, все началось со смерти собаки. Улисса. Не пытайтесь понять, почему господин Дэме дал своей белой с подпалинами и худой как щепка долгоногой дворняге имя греческого героя. Это будет еще одной загадкой в нашей истории.

Семейство Дэме проживало по соседству, и двенадцатилетний Антуан привязался к их собаке, тем более что его мать ни за что не хотела держать в доме животных: никаких кошек, никаких собак, никаких хомяков – от них одна грязь.

Улисс охотно подбегал к ограде, стоило Антуану его окликнуть; частенько сопровождал ватагу детворы до пруда или в ближайший лесок. А когда Антуан гулял один, он всегда брал пса с собой. Мальчишка ловил себя на том, что разговаривает с собакой, как с товарищем. Пес серьезно и сосредоточенно склонял голову, а когда стремглав убегал, это означало, что время откровений подошло к концу.

Остаток каникул ребята посвятили строительству шалаша в лесу коммуны Сент-Эсташ. Идея принадлежала Антуану, однако Тео, как обычно, присвоил ее и взял руководство операцией на себя. Этот мальчик обладал серьезным авторитетом в маленьком отряде, потому что был самым высоким да вдобавок сыном мэра. В городке вроде Бовалья подобные вещи имеют значение. Там терпеть не могут людей, которых регулярно переизбирают, но почитают мэра как святого покровителя, а его сына – как дофина. Подобная социальная иерархия берет начало в средневековых гильдиях, распространяется на товарищества и просачивается в школьные коллективы. Тео Вейзер к тому же учился хуже всех в классе, что в глазах приятелей свидетельствовало о силе характера. Когда отец задавал ему трепку, что случалось нередко, Тео с гордостью выставлял напоказ свои синяки как дань выдающейся личности окружающему конформизму.

Помимо всего прочего, он нравился девочкам. Так что его боялись и уважали, но не любили. Антуан не заискивал перед ним и ничему не завидовал. Ему для счастья было довольно того, что шалаш строится, а необходимости быть лидером он не испытывал.

Все изменилось, когда Кевин получил на день рождения игровую приставку. Лес Сент-Эсташ тотчас опустел, все собирались у Кевина, чтобы поиграть. Тем более что его матери это нравилось гораздо больше, чем леса и пруд, которые она всегда считала опасными. А вот мать Антуана осуждала такое безделье на диване по средам, когда не было уроков, – так и отупеть недолго! – и в конце концов запретила сыну бывать у Кевина. Антуан взбунтовался против ее решения – не столько из-за любви к компьютерным играм, сколько из-за того, что лишился общения с товарищами. Теперь по средам и субботам он чувствовал себя одиноким.

Он проводил много времени с Эмили Мушотт, дочкой соседей. Этой двенадцатилетней быстроглазой, светленькой, как цыпленок, девчужке, настоящей хулиганке, ни в чем невозможно было отказать. Даже Тео на нее заглядывался. Но играть с девочками – это ведь совсем другое дело.

Тогда Антуан вернулся в лес Сент-Эсташ и приступил к сооружению шалаша – на сей раз среди ветвей бука, в трех метрах над землей. Он сохранил этот план в тайне, заранее

предвкушая свое торжество, когда, насытившись игровой приставкой, его друзья вернутся в лес и обнаружат постройку.

Работа требовала много времени и труда. На лесопилке он подобрал куски брезента, чтобы вода не протекала сквозь щели, обрывки толя для крыши, ткань, чтобы было красиво. Он устроил тайники, чтобы припрятать свои сокровища. И никогда бы не закончил, тем более что отсутствие общего плана повлекло за собой многочисленные переделки. Долгие недели шалаш занимал все его время и мысли, хранить тайну становилось все труднее. В коллеже он было заговорил о некоем сюрпризе, от которого все обалдеют, однако не добился никакого успеха. В ту пору вся компания была буквально наэлектризована объявлением о выходе новой версии «Расхитительницы гробниц», все только об этом и говорили. Антуан трудился над своим проектом, а Улисс не отходил от него ни на шаг. Не то чтобы он на что-то сгодился, но он был тут. Его присутствие навело Антуана на мысль соорудить для собаки подъемник, тогда Улисс смог бы составить ему компанию, когда он будет залезать к себе наверх. Еще один заход на лесопилку, чтобы стащить блок, потом несколько метров шнура и наконец что-нибудь, чтобы сварганить платформу. Этот грузоподъемник, заключительный аккорд, подчеркивающий величие замысла, потребовал долгих часов доработки. Но дольше всего пришлось гоняться за псом, которого перспектива отрыва от земли повергла в ужас с первой же попытки. Платформа сохраняла горизонтальное положение только при помощи поддерживающей левой угол палки. Без особых удобств, но Улисс все же был доставлен в шалаш. Во время подъема он не переставая жалобно скулил, а когда Антуан тоже забрался наверх, пес, дрожа, прижался к нему. Антуан воспользовался случаем, чтобы вдохнуть его запах и погладить, отчего пес в блаженстве закрыл глаза. Спуск дался гораздо легче. Не дожидаясь приземления, Улисс спрыгнул с платформы.

Антуан притащил в шалаш найденную на чердаке домашнюю утварь: карманный фонарик, одеяло, пару книг и письменные принадлежности – все необходимое для жизни вне связи с внешним миром. Ну или почти...

Из всего этого не следует, что Антуан был нелюдимым. Он тогда на время стал таким, в силу обстоятельств. Из-за того, что мать ненавидела компьютерные игры. Его жизнь была полна правил и установлений, которые госпожа Куртен вводила столь же регулярно, сколь и изобретательно. Будучи от природы цельной натурой, она после развода превратилась в женщину с принципами, что нередко случается с одинокими матерями.

За шесть лет до описываемых событий отец Антуана воспользовался переменами на службе, чтобы заодно сменить жену. Заявление о переводе в Германию он сопровождал заявлением о разводе, что Бланш Куртен восприняла трагически – факт тем более удивительный, что чета никогда не ладила и после рождения Антуана интимные отношения между супругами стали крайне редкими. После отъезда господин Куртен никогда больше не бывал в Бовале. Он аккуратно посылал сыну подарки совсем не по возрасту: игрушки для шестнадцатилетнего, когда Антуану было всего восемь, для шестилетнего – когда тому исполнилось одиннадцать. Однажды Антуан побывал у отца в Штутгарте. Три долгих дня они злобно взирали друг на друга и по обоюдному согласию никогда больше не повторяли подобных экспериментов. Господин Куртен был настолько же не создан, чтобы иметь сына, насколько его бывшая жена – чтобы иметь мужа.

Этот удручающий эпизод сблизил Антуана с матерью. Вернувшись из Германии, он проникся тяжелым замедленным ритмом существования Бланш, причиной которого, как он полагал, было ее одиночество, *son chagrin*, и увидел ее в новом свете, несколько трагическом.

И разумеется, как любой мальчик его возраста, ощутил себя ответственным за мать. Она была женщина надоедливая (порой даже откровенно невыносимая), однако Антуан, похоже, видел в матери что-то, что извиняло все: ее приземленность и недостатки, ее характер, обстоятельства... Для Антуана было немыслимо сделать мать еще более несчастной. Он так никогда и не освободился от этой уверенности.

Все это вкупе с его замкнутостью в целом превращало Антуана в несколько депрессивного подростка, что только усилилось с появлением у Кевина игровой приставки. В треугольнике «отсутствующий отец, суровая мать, далекие товарищи» пес Улисс явно находился в центре.

Смерть собаки и сопутствовавшие этому обстоятельства чудовищно подействовали на Антуана. Кряжистый, как дуб, хозяин Улисса, господин Дэме, был человеком молчаливым и вспыльчивым. Лицо злобного самурая украшали кустистые брови, а весь его вид говорил о том, что он уверен в своей правоте и поколебать его невозможно. А в довершение всего господин Дэме слыл драчуном. Он всю жизнь проработал на главном предприятии Бовалья – существовавшей с 1921 года фабрике деревянных игрушек Вейзера, где то и дело ввязывался в стычки и словесные перепалки. Два года назад его оттуда выставили за то, что на глазах у всех он ударил своего бригадира.

У него была дочь лет пятнадцати, Валентина, которая училась на парикмахера в Сент-Илэре, и шестилетний сын Реми, испытывавший безграничное восхищение перед Антуаном и вечно таскавшийся за ним по пятам.

Впрочем, малыш Реми был ему совсем не в тягость. Скроенный по образцу своего папаши, он уже был крепким, как... будущий лесоруб, и легко мог дойти с Антуаном до Сент-Эсташа и даже до пруда. Госпожа Дэме не без основания считала Антуана ответственным мальчиком, которому можно при случае доверить сына. Ребенок и так имел полную свободу передвижений. Боваль – городок небольшой, в квартале все или почти все друг друга знают. Дети, играют ли они возле лесопилки или идут в лес, плещутся в воде возле Мармона или Фюзельеров, всегда находятся на глазах у работающего поблизости или проходящего мимо взрослого.

Однажды Антуан, которому становилось все труднее хранить свою тайну, привел Реми посмотреть шалаш. Ребенок не мог скрыть восхищения техническим гением старшего друга; он множество раз в полном восторге ездил вверх-вниз на подъемнике. После чего между мальчиками состоялся серьезный разговор: Реми, слушай меня внимательно, это секрет, никто не должен знать про шалаш. Пока он не будет окончательно достроен. Ты понял? Я могу на тебя рассчитывать? Ты никому не скажешь, да?

Реми поклялся, плюнул, лопни мои глаза, если я... И насколько Антуану было известно, сдержал слово. Быть хранителем тайны Антуана для малыша означало участвовать во взрослом деле, то есть стать взрослым. Он доказал, что достоин доверия.

Двадцать второго декабря погода была довольно мягкой, на несколько градусов теплее обычного. Антуан заметно волновался перед наступлением Рождества (он надеялся, что на сей раз отец внимательно прочтет его письмо и пришлет ему PlayStation). Но чувствовал себя немножко более одиноким, чем обычно. Не в силах удержаться, он рассказал обо всем Эмили.

Годом раньше Антуан начал мастурбировать и в течение дня неоднократно занимался этим. Сколько раз в лесу, опершись одной рукой о ствол дерева, он спускал джинсы до щиколоток и наслаждался, думая об Эмили. Он понял, что соорудил свой шалаш для нее,

построил гнездышко, куда хотел бы привести эту девочку.

Несколько дней назад она пошла с ним в лес, скептически осмотрела шалаш: еще чего? Подниматься вверх? Не слишком заинтересованная строительством, она согласилась на эту прогулку с намерением пофлиртовать с Антуаном и с трудом представляла себе, как это возможно на высоте трех метров над землей. Она немножко пожеманилась, накручивая на палец белокурую прядь, но, поняв, что раздосадованный ее реакцией Антуан не настроен играть, ушла.

От ее визита у Антуана остался дурной привкус: Эмили всем расскажет. Он чувствовал, что смешон.

Антуан вернулся из Сент-Эсташа, но даже предрождественская атмосфера и перспектива получения подарка не могли заставить его позабыть провал с Эмили. Более того, постепенно он стал казаться ему унижением.

Надо заметить, что праздничное оживление в Бовале носило несколько беспокойный характер. Уличные украшения, елка на главной площади, концерт муниципального хора и так далее – город, как все предыдущие годы, жертвовал на рождественское празднество, однако с некоторой сдержанностью. Это создавало угрозу предприятию Вейзера, а значит в некотором смысле всем. Падение интереса публики к деревянным игрушкам было очевидным. Рабочие на фабрике марионеток, волчков и поездов из ясеня выбивались из сил, а родители дарили своим детишкам игровые приставки. Все понимали: что-то не ладится, будущее под угрозой. Периодически возникали слухи о сокращении производства Вейзера. Когда-то на нем трудились семьдесят человек, затем их стало шестьдесят пять, потом шестьдесят, потом пятьдесят два. Господина Мушотта, бригадира, сократили два года назад, и он так и не нашел работу. Господин Дэме, хотя и был одним из старейших сотрудников фирмы, жил в постоянном страхе. Он, как и многие другие, боялся прочесть свою фамилию в очередном списке на увольнение, который, поговаривали, должен появиться тотчас после праздников. В тот день, около шести вечера, пес Улисс перебежал главную улицу Боваля возле аптеки и был сбит машиной. Водитель не остановился.

Собаку отнесли к дому Дэме. Новость быстро разнеслась по городку. Антуан бросился к соседям. Распростертый в саду на земле Улисс натужно дышал. Он повернул голову к замершему возле ограды Антуану. У пса были сломаны ребра и лапа, ему требовалась помощь ветеринара. Господин Дэме, засунув руки в карманы, глянул на собаку, зашел в дом, вернулся оттуда с ружьем и в упор выстрелил ей в живот. А потом запихал труп в мешок для мусора. Дело было сделано.

Все произошло столь стремительно, что Антуан так и остался с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова. Впрочем, слушать его было бы некому. Господин Дэме вернулся в дом и захлопнул за собой дверь. Серый мешок с трупом Улисса валялся на задворках сада вместе с другими, наполненными строительным мусором и обломками цемента – все, что осталось от крольчатника, разрушенного на прошлой неделе. Господин Дэме собирался строить новый.

Домой Антуан вернулся подавленным.

Его горе было так велико, что в тот вечер он не нашел в себе сил поделиться им с матерью, которая наверняка ничего не слышала о происшествии. Горло сжимали спазмы, на сердце было тяжело, перед глазами то и дело возникало недавнее зрелище: ружье, морда Улисса – особенно его глаза, массивная фигура господина Дэме... Не в силах объяснить, что с ним, и даже поест, он соврал, что неважно себя чувствует, поднялся в свою комнату и

долго плакал там. Мать крикнула снизу: «Антуан, все в порядке»? Он даже удивился, что ему удалось вполне членораздельно выдать: «Да, все хорошо!», чего госпоже Куртен оказалось совершенно достаточно. Уснул он очень поздно, ему снились мертвые собаки и ружья. Проснулся Антуан разбитым от усталости.

По четвергам госпожа Куртен спозаранку уходила торговать на рынке. Среди всех небольших подработок, которые ей удавалось набрать на протяжении всего года, эту она по-настоящему ненавидела. Из-за господина Ковальски, сквалыги, как она говорила, который платил своим служащим по минимуму, вечно с опозданием, и за полцены сбывал им просроченные продукты, которые следовало бы выбросить. Подниматься ни свет ни заря ради трех франков шести су! Однако она делала это уже почти пятнадцать лет. Чувство долга. Она всегда вспоминала об этом накануне, и одна мысль о необходимости идти на рынок наводила на нее тоску. Высокий и тощий, с худым лицом, впалыми щеками, тонкими губами и горящими глазами, нервный, как кошка, господин Ковальски мало соответствовал образу торговца мясом и домашней птицей. На Антуана, который частенько видел его, лицо этого человека наводило ужас. Ковальски купил лавку в Мармоне и после смерти супруги спустя два года после их переезда в город держал ее вместе с двумя подручными. «Ни за что не хочет нанять еще кого-нибудь, – ворчала госпожа Куртен, – считает, что нас и так много». Лавка находилась в Мармоне, но каждый четверг хозяин разъезжал по нескольким деревням, заканчивая свою торговлю в Бовале. Длинное изможденное лицо господина Ковальски служило объектом шуток среди детей, прозвавших его Франкенштейном.

В то утро госпожа Куртен, как обычно, уехала в Мармон первым автобусом. Антуан уже не спал и слышал, как она осторожно заперла дверь. Он поднялся, выглянул из окна своей комнаты и увидел сад господина Дэме. Там, в дальнем углу, находящемся вне его поля зрения, лежал мешок для мусора, а в нем...

Слезы вновь брызнули из глаз Антуана. Он был неутешен не только из-за смерти Улисса, но и потому, что она болезненно перекликалась с его одиночеством последних месяцев, со всеми его разочарованиями и огорчениями.

Мать возвращалась только к вечеру, а потому оставляла распоряжения на день на висящей в кухне грифельной доске. Среди них всегда значилась уборка и покупки в мини-маркете, а также нескончаемые рекомендации: приberi у себя в комнате, в холодильнике ветчина, съешь хотя бы йогурт и какой-нибудь фрукт и так далее.

Госпожа Куртен, которая всегда делала все заранее, непременно придумывала, чем ему заняться, с этим у нее никогда не возникало сложностей. Антуан вот уже неделю с вожделением пялился на лежавшую в шкафу посылку от отца. По размеру она вполне соответствовала игровой приставке, но душа не лежала заглянуть. Он постоянно вспоминал о смерти собаки, о том, как ужасно и внезапно все произошло. Тогда Антуан занялся делами. Сходил за покупками, ни с кем и словом не обмолвившись и только кивнув в ответ на приветствие булочника. Он не мог произнести ни слова.

После полудня мальчик поспешил укрыться в лесу Сент-Эташ, собрав все, что он не съел, чтобы выбросить где-нибудь по пути. Оказавшись возле дома Дэме, он постарался не смотреть в тот угол сада, где валялись мешки с мусором. Антуан ускорил шаг, сердце едва не выпрыгивало из груди. Он сжал кулаки, бросился бежать и остановился только у подножия дерева, в ветвях которого находился его шалаш. Отдышавшись, мальчик поднял глаза. Укрытие, которому он отдал столько времени, предстало перед ним удручающе уродливым. Из-за обрывков брезента, сетки и толя сооружение напоминало трущобы. Антуан вспомнил,

с каким отвращением смотрела Эмили на его детище... В ярости он забрался наверх и разрушил свое творение, сбросив вниз обломки дерева, доски и бесформенные лохмотья. Когда все было кончено, он без сил спустился на землю, прислонился спиной к дереву, сполз на траву и надолго задумался о том, что же ему делать. Жизнь утратила всякую привлекательность. Ему не хватало Улисса.

И тут появился Реми.

Антуан еще издали заметил его фигурку. Малыш ступал осторожно, точно боялся раздавить грибы. Наконец он оказался перед Антуаном, который, обхватив голову руками, сотрясался от рыданий. Реми остановился, безвольно опустив руки. Взглянув вверх, он увидел, что шалаш разрушен, открыл было рот, но Антуан резко перебил его.

– Зачем твой отец это сделал?! – выкрикнул он. – Зачем, а?

От злости он вскочил на ноги. Реми смотрел на него расширившимися глазами и выслушивал упреки, не особенно понимая их смысл. Дома ему просто сказали, что Улисс убежал – такое уже случалось. В этот момент, охваченный нестерпимым чувством несправедливости, Антуан вышел из себя. Потрясение, вызванное смертью Улисса, переросло в гнев. Ослепленный яростью, он схватил палку, прежде служившую для опоры грузоподъемника, и замахнулся на Реми, будто тот был псом, а он – его хозяином. Малыш никогда не видел Антуана в таком состоянии и испугался.

Он развернулся, собираясь уйти.

Тогда Антуан взялся за палку обеими руками и, вне себя от ярости, стукнул ребенка. Удар пришелся в правый висок. Реми упал. Антуан подошел, схватил его за плечо и потряс.

Реми?

Наверное, оглушен.

Антуан перевернул малыша, чтобы пошлепать по щекам, но, когда тот оказался на спине, он увидел его раскрытые глаза. Остановившиеся и остекленевшие.

И тут его сознание пронзила догадка: Реми был мертв.

Палка выпала у него из рук. Он смотрел на расprostертое перед ним детское тельце. Что-то странное было в том, как оно лежало, хотя Антуан не мог бы объяснить, что именно. Беспомощность... Что я наделал? И как теперь быть? Звать на помощь? Нет, он не может оставить его здесь, надо унести его, бежать в Боваль, напрямик к доктору Дьелафуа.

– Не волнуйся, – пробормотал Антуан, – я отнесу тебя в больницу.

Он говорил совсем тихо, словно с самим собой.

Антуан наклонился, просунул руки под спину ребенка и поднял его. К счастью, он совсем не чувствовал его тяжести, потому что путь предстоял неблизкий...

Он побежал, но тело Реми в его руках вдруг сильно потяжелело. Антуан остановился. Нет, оно не стало тяжелым, просто безвольным. Голова откинута назад, руки свисают вдоль туловища, ноги болтаются, как у марионетки. Будто мешок несешь.

Силы внезапно покинули Антуана, колени подогнулись, и ему пришлось опустить Реми на землю.

Неужели он правда... умер?

Рассудок Антуана отказывался отвечать на этот вопрос, мальчик словно перестал соображать, в голове было пусто.

Он обошел Реми, чтобы посмотреть в его лицо. Ему с трудом удалось присесть на корточки. Он увидел цвет кожи, приоткрытый рот... Протянул руку, но не смог прикоснуться к лицу малыша, между ними будто выросла невидимая стена, его ладонь натыкалась на неосоздаваемое препятствие, которое не позволяло дотянуться, дотронуться.

Антуан начал осознавать случившееся.

Он распрямился и, плача, принялся шагать взад-вперед, он больше не мог смотреть на труп Реми. Кулаки у него крепко сжались, мозг был готов взорваться, мышцы напряглись до предела, а он все ходил туда-сюда. Слезы застилали глаза, он ничего не видел и утер их рукавом.

Внезапно у него появилась смутная надежда. Реми пошевелился!

Антуану хотелось спросить деревья: правда ведь? Он пошевелился? Вы видели? Он склонился, чтобы посмотреть.

Нет, даже не дрогнул, ничего.

Только место, куда пришелся удар палкой, изменило цвет: теперь это широкая, во всю скулу, темно-красная отметина, которая, казалось, увеличивалась, как расплывающееся на скатерти винное пятно.

Необходимо было выяснить, дышит ли ребенок. Однажды Антуан видел по телевизору: кому-то к губам подносили зеркальце, чтобы увидеть, затуманилось ли оно от дыхания. Но какое уж тут зеркальце...

Делать нечего: Антуан попытался сосредоточиться, склонился над телом, приник ухом к губам мальчика, но лесной шум и биение собственного сердца мешали ему.

Значит, надо действовать по-другому. С расширенными от страха глазами, широко растопырив пальцы, Антуан протянул руку к груди Реми. На малыше американская футболка с логотипом «Fruit of the Loom». Дотронувшись до ткани, Антуан почувствовал облегчение: тепло! Он жив! Тогда он решительно положил руку на живот ребенка. Где сердце? Чтобы определить место, искал свое. Это выше, левее, он не разобрался, что к чему, он думал,

что... И вдруг он забыл, что делает. Получилось! Левая рука ощущала ритм его собственного сердца, а правая находилась на том же месте на теле Реми. Под одной было хорошо слышно биение, под другой – ничего. Он надавливал, прижимал руку к груди малыша там и сям, но нет: ничего. Он приложил обе ладони – опять ничего. Сердце не билось. Не в силах сдержаться, Антуан дал Реми пощечину. С размаху. Потом еще и еще.

Ты зачем умер, а? Зачем ты умер?

Под его ударами детская головка болталась из стороны в сторону. Антуан остановился. Что он делает? Бить Реми... мертвого...

Подавленный, он встал.

Что делать? Он непрестанно задавал себе все тот же вопрос, но ничего не мог придумать.

Антуан опять принялся ходить взад-вперед. Он в отчаянии заламывал руки, утирал льющиеся рекой слезы.

Надо сдать. В полицию. Что он скажет? Я был с Реми, я убил его ударом палки?

И потом, кому все это говорить? Жандармерия в Мармоне, это в восьми километрах от Бовалья... Жандармы сообщат матери. Она умрет, не снесет того, что ее сын убийца. А отец? Как он отреагирует? Будет отправлять посылки...

Антуан в тюрьме. В тесной камере еще с тремя взрослыми парнями, известными своей жестокостью. Они выглядят как персонажи американского сериала «Тюрьма Оз». Он тайком посмотрел несколько серий. Там одного звали Вернон Шиллингер, жуткий, он обожал маленьких мальчиков. В заключении Антуан встретится с кем-нибудь в таком роде, это точно.

А кто станет его навещать? У него перед глазами промелькнули одноклассники, Эмили, Тео, Кевин, директор коллежа... И массивная фигура господина Дэме, в синей спецовке, с квадратным лицом и свинцовыми глазами!

Нет, Антуан не попадет в тюрьму, не успеет. Когда господин Дэме узнает, он точно убьет его, как своего пса, выстрелом в живот.

Антуан посмотрел на часы. Половина третьего, солнце в зените. Он обливался потом.

Он должен был принять решение. Но что-то подсказывало ему, что он уже это сделал: надо вернуться домой и подняться в свою комнату, будто он вообще из нее не выходил. Кто тогда догадается, что это он? Исчезновения Реми не заметят до... Он стал прикидывать в уме, но мысли путались; он принялся загибать пальцы, но какой смысл считать? Сколько времени потребуется, чтобы обнаружить Реми? Несколько часов? Или дней? К тому же Реми так часто уходил с Антуаном и его товарищами, что полиция непременно их допросит... Если тело найдут, то выяснится, что все были у Кевина, играли в приставку. Не хватало только его, Антуана. И тут же все взгляды обратятся к нему. Нет, надо сделать так, чтобы Реми не нашли.

В его сознании всплыл мусорный мешок с мертвой собакой внутри.

Избавиться от Реми.

Он пропал, никто не знает, что случилось... Вот оно, верное решение. Его пойдут искать, и никому не придет в голову...

Антуан продолжал ходить взад-вперед возле тела, на которое не хотел больше смотреть: оно пугало его, мешало думать.

А что, если Реми сказал матери, что пошел к Антуану в лес Сент-Эсташ?

Может, его уже ищут, скоро он услышит голоса, выкрикивающие их имена: «Реми!»

Антуан!»

Антуан почувствовал, что ловушка захлопнулась. Снова полились слезы. Он пропал.

Надо бы спрятать труп. Но где? Как? Если бы он не разрушил шалаш, то поднял бы Реми туда – никто бы не стал искать малыша наверху. И вороны склевали бы его тело.

Антуан был подавлен масштабом катастрофы. За считанные секунды его жизнь кардинально переменялась. Он стал убийцей.

Но образы двенадцатилетнего мальчишки и убийцы никак не вязались друг с другом...

На Антуана навалилось огромное горе.

Время шло, а он по-прежнему не знал, что делать. Наверное, в Бовале уже беспокоятся.

Пруд! Решат, что он утонул!

Нет, тело всплывет. У Антуана не было груза, чтобы тело оставалось на глубине. Когда труп выловят, увидят след удара по голове. Может, подумают, что он сам упал, что он ударился?

Антуан совершенно запутался.

Большой бук! Антуан вдруг увидел его, будто дерево было совсем рядом.

Огромное, давным-давно упавшее дерево. Как-то раз, без всякого предупреждения, оно, будто внезапно скончавшийся старик, завалилось набок, увлекая за собой огромный, в человеческий рост, пласт земли с корнями. Падая, бук задел другие деревья, и Антуан с друзьями ходили играть среди их плотно и причудливо переплетенных ветвей. Это было в незапамятные времена, ребята почему-то давно разлюбили то место...

Там, где рухнул бук, было что-то вроде норы, огромная дыра, в которую, еще до падения дерева, никто не решался спуститься. Никто не знал, куда она ведет, глубоко ли там. Но другого выхода, кроме этого, Антуан не видел.

Когда решение было принято, он обернулся и посмотрел на Реми.

Детское личико снова изменилось; оно посерело, синяк расплылся и заметно потемнел. А рот открылся еще шире. Антуан чувствовал себя неважно. У него ни за что не хватит сил добраться дотуда, на другой конец леса Сент-Эташ. Даже в нормальное время на это ушло бы почти пятнадцать минут.

Он даже не знал, что в нем столько слез. Они все лились, струились, он высморкался прямо в руку, вытер пальцы о листья, подошел к телу Реми, наклонился, схватил его за руки. Они худенькие, теплые, мягкие, как какие-то спящие зверьки.

Отвернув голову, Антуан принялся тянуть его...

Не пройдя и шести метров, он наткнулся на первое препятствие: пни, сучья. Лес Сент-Эташ давным-давно никому не принадлежал, это полная неразбериха из густых зарослей, плотно стоящих, а порой навалившихся друг на друга деревьев, кустарников и лесонасаждений. Тащить тело невозможно, придется его нести.

Антуан не мог решиться.

Лес вокруг него скрипел, как старый корабль. Антуан переминался с ноги на ногу. Как собрать волю в кулак?

Он и сам не знал, откуда взялись силы. Он резко нагнулся, схватил Реми и одним махом закинул его себе на спину. И пустился в путь – очень быстро, перешагивая через пни или обходя их.

Первое неловкое движение, и вот уже его нога запуталась в корнях, он упал. Тело Реми у него на спине было тяжеленное, как спрут, мягкое, обволакивающее. Антуан завопил и оттолкнул его. Он взвыл, поднялся, прижался к дереву, попытался восстановить дыхание...

Он думал, труп – это что-то окоченелое, ему доводилось видеть картинки. Мертвецы, твердые, как дерево. Но этот, наоборот, был дряблый, будто без костей.

Антуан постарался взбодриться. Ну давай же! Тело надо спрятать, оно должно исчезнуть, потом все будет хорошо. Он подошел, закрыл глаза, схватил Реми за руку, наклонился, снова взвалил его себе на плечи и осторожно продолжил путь. Теперь, когда он нес его на спине, он представлял себя пожарным, спасающим кого-то из огня. Героем комиксов про Человека-паука Питером Паркером, помогающим Мери Джейн. Было довольно холодно, но он обливался потом. Он устал, ноги у него отяжелели, плечи обвисли. И все же надо было поторапливаться: в Бовале уже забеспокоились.

Да и мать скоро вернется с работы.

И к ней придет госпожа Дэме, чтобы спросить, где Реми.

И когда он вернется, ему зададут тот же вопрос. А он ответит: Реми? Нет, я его не видел, я был...

А где он был?

Перелезая через пни, огибая непроходимые заросли, натываясь на ползучие побеги и корни, спотыкаясь под тяжестью тела мертвого ребенка, он размышлял, где бы он мог быть, если был не здесь, но ничего не мог придумать. «Этому мальчишке недостает воображения», – заметил учитель в прошлом году, как раз перед переходом в шестой класс. Господин Санше никогда особенно не любил его. Ему нравился Адриен, он всегда был его любимчиком. Поговаривали, что господин Санше и мать Адриена... Эта женщина пользовалась духами, не то что мать Антуана. В конце уроков все пилились на нее, она курила на улице и одевалась как...

Это должно было случиться: он снова шлепнулся, ударился головой о ствол дерева, уронил свою ношу и вскрикнул, увидев, как Реми перелетел через него и тяжело упал на землю. Антуан инстинктивно протянул руку... На какое-то мгновение он даже вообразил, что Реми больно, он подумал о нем как о живом.

Антуан видел его спину, ножки, ручки, до чего же его жалко...

Он больше не вынесет. Он лежал, распростершись среди листьев, вдыхал запах земли, как прежде вдыхал запах шерсти Улисса. Он так устал, что хотел бы уснуть, вжаться в землю, тоже исчезнуть.

Придется отступить: у него не хватит сил.

Его взгляд упал на часы. Мать, наверное, уже вернулась. Сложно объяснить, но если ему удастся встать на ноги, то только ради нее. Она такого не заслужила. Она умрет. Она убьет его своими руками, если узнает...

Он с трудом поднялся. Реми ободрал руку и ногу. Антуан не мог отделаться от мысли, что ему больно, хотя это безумие. Но у него не укладывалось в голове, что Реми мертв, нет, он не мог с этим смириться. Это не труп, это мальчишка, которого он знал, которого он снова взвалил себе на спину и потащил через лес Сент-Эташ. Тот самый мальчуган, которого он поднимал на платформе вместе с Улиссом, а малыш кричал: вау! Он обожал этот подъемник!

Антуан начал бредить.

Он продвигался вперед быстрым шагом и видел там, прямо перед собой, Реми. Мальчуган улыбался, махал ему рукой. Он всегда восхищался Антуаном. Ух ты, надо же, шалаш? Круглолицый мальчишка с живыми глазами смотрит вверх. Он здорово говорит для своего возраста. Да, он еще мал, он рассуждает как ребенок, но с ним интересно, он задает забавные вопросы...

Антуан даже не заметил, как дошел. Он на месте.

Это здесь. Большой поваленный бук.

Чтобы добраться до ствола и отверстия под ним, надо было пробиться сквозь назойливые заросли, к тому же в этой части леса довольно темно.

Антуан не раздумывал, он шел. Он оступился, потерял равновесие, хватаясь за что только можно, едва не упал, от рубашки оторвался рукав, но он шел вперед. Голова Реми ударилась о дерево, издав глухой звук... Дважды Антуан попал в терновник, и ему пришлось сделать усилие, чтобы освободиться.

И вот наконец, после долгих мучений, он был у цели.

В двух метрах от него, прямо под мощным стволом, зияла огромная черная щель норы... Пещера. Чтобы до нее добраться, надо было подняться на холмик.

Тогда Антуан осторожно опустил тело на землю, наклонился и покатиł его. Как свернутый ковер.

Голова ребенка то и дело обо что-то ударялась, но Антуан, зажмурившись, продолжал движение. Открыв глаза, он увидел, что находится на середине склона. Глубокий черный провал, к которому он приблизился, испугал его, как жерло печи. Пасть людоеда. Никто не знает, что там. И насколько там глубоко. И вообще, что это? Антуан всегда думал, что это яма, оставшаяся от пня какого-то другого, давно вырванного дерева, куда теперь повалился бук.

Ну вот. Он был на месте.

Но облегчение так и не наступило.

Тело малыша Реми было распростерто у его ног, на краю отверстия, а над ними обоими нависал гигантский ствол поверженного бука.

Теперь надо было его столкнуть. Антуан не мог решиться.

Обхватив голову руками, он завыл от горя, вытянул вперед правую ногу, подsunул под ляжку ребенка и слегка шевельнул ее.

Потом, подняв глаза к небу, сделал резкое движение ногой.

Тело неторопливо покатилось, на самом краю зияющей ямы оно как будто помедлило, затем мгновенно сорвалось и упало.

Последнее, что запомнит Антуан, – это рука Реми, его пальцы, словно пытающиеся вцепиться в землю, удерживать тело от падения.

Антуан замер на месте.

Тело исчезло. Мальчика внезапно охватило сомнение, он встал на колени, протянул, поначалу робко, руку в пустоту, пошарил там на ощупь.

Рука ни на что не наткнулась.

В полном отупении он поднялся с колен. Вот и все. Никакого Реми, ничего, все было кончено.

Лишь воспоминание об этой постепенно исчезающей ручке со скрюченными пальцами...

Антуан отвернулся от ямы и поспешно удалился, механически продираясь сквозь густой кустарник.

Добравшись до края лесосеки, он взобрался на холм и побежал...

Если выбрать самый короткий путь, придется дважды пересечь шоссе. Антуан крался, пригибался за кустами. Оказавшись на повороте, где за изгибом дороги не были видны проезжающие машины, он прислушался, но это проклятое сердцебиение...

Он распрямился, наспех бросил взгляд направо, потом налево — и решился. Бегом пересек шоссе и снова углубился в лес в тот самый момент, когда из-за поворота выскочил грузовичок господина Ковальски.

Антуан кинулся в придорожную канаву и замер. В трехстах метрах от въезда в город он ненадолго задержался в зарослях, но чувствовал, что раздумывать больше нельзя, наоборот, надо решаться, и поскорей. Антуан вышел из леса и начал двигаться, как ему представлялось, уверенным шагом, пытаясь восстановить дыхание.

Нормально ли он выглядит? Он поправил взъерошенные волосы. На руках было несколько едва заметных царапин. Антуан торопливо стряхнул со штанов и рубашки землю и травинки...

Он думал, что ему будет страшно вернуться домой. Но нет, наоборот, привычные места — пекарня, бакалейная лавка, ворота мэрии — вернули его в нормальную жизнь, заслонив собой кошмар.

Чтобы никто не заметил порванного рукава рубашки, он попытался ухватить его за манжет и зажать в кулаке.

Антуан опустил глаза.

Он потерял свои часы.

Часы для подводного плавания, с черным циферблатом, зеленым флуоресцентным браслетом и впечатляющим набором функций: тахеометр, крутящееся круглое окошко, показывающее время во всем мире, еще одно для определения погоды, калькулятор... Часы были ему велики, болтались на запястье, но именно этим они ему и нравились. Антуану несколько недель пришлось приставать к матери, чтобы получить разрешение на их покупку, и он добился его лишь в обмен на кучу обещаний и обязательств. А еще ему пришлось выслушать массу нравоучений в отношении бережливости, необходимых и пустячных трат, контроля над своими желаниями и еще каких-то довольно неясных для него понятий, почерпнутых матерью из журнальных статей о проблемах детства и воспитания.

Как он объяснит внезапную пропажу часов? Мать наверняка заметит, в таких вещах ее не проведешь.

Может, стоит вернуться? Где он мог их потерять? Может, они упали в яму под старым буком... А если он потерял их на обратном пути? Прямо на дороге? Если их кто-нибудь найдет, станет ли это уликой против него? Или, того хуже, приведет следствие прямо к нему?

Терзаемый этими вопросами, Антуан не сразу заметил, что в саду у Дэме царит непривычная суматоха.

Группа из семи-восьми человек, в основном женщин, что-то взволнованно обсуждала. Среди них – торговка бакалеей, которую невозможно было застать в ее лавке, госпожа Керневель и даже госпожа Антонетти, такая худюшая, что ее почти не было видно. Эта старая ведьма говорила дрожащим голосом и сверлила вас своими злыми голубыми глазками.

Слышался слегка гнусавый голос госпожи Дэме, фигуру которой не сразу можно было разглядеть в этой кутерьме. Она страдала насморком круглый год. «Аллергия на опилки, – вечно по-ученому заявляла она. – Что ты будешь делать в здешних краях!..» Тут она обычно опускала руки и со звуком пощечины хлопала ладонями по ляжкам, чтобы подчеркнуть неотвратимость выпавшей ей доли.

Увидев такое скопление народа в соседском саду, Антуан замедлил шаг. Позади него слышались торопливые шаги. Эмили. Она как раз поравнялась с ним, тяжело дыша, когда чей-то голос воскликнул:

– А вот и он! Антуан!

Работая локтями, госпожа Дэме с носовым платком в руке выбралась из сада и бросилась к нему. Все кинулись за ней следом.

– Не знаешь, где Реми? – поспешно спросила она.

Антуан тотчас понял, что не сможет соврать. Дыхание у него перехватило, он отрицательно покачал головой. Нет...

– Значит... – только и сумела выговорить госпожа Дэме.

Это единственное слово, произнесенное срывающимся голосом, было исполнено такой тревоги, что Антуан едва не разрыдался. Лишь вмешательство бакалейщицы помогло ему сдержаться.

– Разве он был не с тобой?

Антуан сглотнул слюну, посмотрел по сторонам. Его взгляд упал на Эмили.

Остановившись в полушаге от Антуана, она с большим любопытством следила за этой сценой.

Ему удалось едва слышно выдавить:

– Нет...

Он уже был готов сдаться, но бакалейщица продолжала:

– Где ты видел его в последний раз?

Он собирался сказать, что не видел Реми целый день.

С белым как простыня лицом он неопределенно махнул рукой в сторону сада.

Тотчас посыпались комментарии:

– Но ведь не мог же ребенок испариться!

– Если бы он проходил по улице, его бы видели...

– Поди знай!..

Госпожа Дэме не спускала глаз с Антуана, но, пожалуй, смотрела она сквозь него и не совсем понимала, что на самом деле происходит. Ее нижняя губа отвисла, взгляд остановился. Ее подавленность ранила Антуана в самое сердце. Он медленно развернулся и, даже не взглянув на Эмили, пошел к себе.

Прежде чем открыть дверь, он оглянулся. И обнаружил странное сходство госпожи Дэме с женой господина Превия, которой иногда удавалось обмануть бдительность сиделки, и тогда больную находили на улице, с растерянным взглядом, она горестно оплакивала свою единственную дочь, умершую больше пятнадцати лет назад. Белокурые локоны Эмили, ее свеженькое личико составляли мучительный контраст со зрелищем этого горя, этой подавленности.

Зайдя в дом, Антуан испытал облегчение. В гостиной, словно вывеска магазина, весело мигала увешанная гирляндами рождественская елка.

Он соврал, и ему поверили. Действительно ли он выпутался?

А часы...

Матери еще не было дома, но скоро она вернется. Антуан поднялся к себе, снял рубашку, скомкал ее и сунул под матрас. Потом натянул чистую футболку, подошел к окну, немного раздвинул шторы. И сразу увидел здоровенную тушу господина Дэме. Возвращаясь с завода, он направлялся напрямик в сад, куда вернулась небольшая группа соседей. От него исходила такая грубая мощь, такая необузданность, что Антуан невольно попятился... При одной только мысли, что он может оказаться рядом с этим человеком, у него сводило живот. Его затошнило, он прижал руку к губам и едва успел добежать до туалета и склониться над унитазом...

В конце концов тело Реми все равно обнаружат и снова заявятся с расспросами.

Может быть, меньше чем через час, если на дороге найдут его часы, все поймут, что он соврал...

Бригада жандармов прикажет оцепить дом, чтобы не дать ему сбежать. Они блокируют всю округу, жандармов будет трое или даже четверо. Вооруженные, они станут медленно подниматься по лестнице, прижимаясь спиной к стене. А с улицы через мегафон будут требовать, чтобы он сдался, спустился, подняв руки над головой... Он не сможет защищаться. На него сразу наденут наручники. «Это ты убил Реми! Где ты спрятал труп?»

Может быть, голову ему чем-нибудь накроют, чтобы не подвергать унижению. Он пройдет мимо рыдающей на первом этаже матери, которая будет твердить «Антуан, Антуан, Антуан...»

На улице столпится весь городок, будут слышны выкрики, вопли: подлец, преступник, детоубийца! Жандармы станут подталкивать его к пикапу, но тут появится господин Дэме, одним движением сорвет брошенную на голову Антуана куртку, чтобы тот увидел, как он прижимает к бедру свое ружье, и выстрелит.

Антуан почувствовал ужасную боль в животе, ему захотелось вернуться в туалет, но он остался у себя в комнате. Ноги у него подкосились, подавленный, он опустился на колени... И тут раздался голос матери:

– Антуан, ты дома?

Нужно срочно сделать вид, что он чем-то занят...

Антуан поднялся с колен и уселся за письменный стол.

Мать с обеспокоенным видом уже стояла в дверях.

– Что происходит? У Бернадетты такая суматоха!

Он изобразил неведение: откуда я знаю.

Но ведь госпожа Дэме его спрашивала, он не может не знать, что происходит.

– Это из-за Реми... Его ищут.

– Да что ты? И не знают, где он?

В этом вся мать.

– Раз его ищут, мама, значит не знают, где он, иначе бы его не искали.

Но госпожа Куртен его не слушала, она подошла к окну. Антуан встал позади нее. С тех пор как вернулся господин Дэме, народу в саду еще прибавилось: его собутыльники, работники с фабрики Вейзера. По нахмурившемуся небу плыли свинцовые облака. И в этом сумеречном свете собравшиеся вокруг господина Дэме показались Антуану похожими на свору собак. Он вздрогнул.

– Тебе холодно? – спросила мать.

Антуан нетерпеливо отмахнулся.

Взгляды стоявших в саду обратились к входившему в сад мэру. Госпожа Куртен открыла окно.

– Постойте, постойте, – твердил господин Вейзер. Он часто повторял эти слова. Он выставил вперед ладонь перед необъятной грудью господина Дэме. – Не следует вот так, по пустякам беспокоить жандармов.

– Что значит «по пустякам»?! – проревел господин Дэме. – Конечно, вам нет дела до того, что мой сын пропал...

– Да ладно вам, пропал, пропал...

– Или вы знаете, где он? Шестилетний мальчик, которого никто не видел вот уже... – (он взглянул на часы и посчитал, насупив брови), – почти три часа. А по-вашему выходит, он не пропал!

– Хорошо, где ребенка видели последний раз? – спросил господин Вейзер, явно стараясь быть полезным.

– Он немного проводил своего отца, да, Роже? – дрожащим голосом сказала госпожа Дэме.

Господин Дэме кивнул. В полдень он обычно шел домой перекусить, а когда возвращался на завод, Реми частенько проходил с ним часть пути, а потом спокойно возвращался.

– И где вы с ним расстались?

Чувствовалось, что господину Дэме не по душе, что директор завода, на котором он

работает, изображает из себя следователя. Может, он теперь еще станет приказывать ему, как управляться в семье? В ответе Роже слышался плохо сдерживаемый гнев:

– Может, все-таки лучше не вам, а жандармам взяться за это дело?

Будучи на голову выше мэра, он подошел к нему совсем близко, так что контраст стал еще более очевидным. Голос у господина Дэме был зычный, и господину Вейзеру приходилось прилагать немало усилий, чтобы не сдать позиции. Он опирался на свой авторитет и должность. Женщины отступили, мужчины подошли поближе. Столь неожиданная конфронтация навела кое-кого на мысль о безработице, которая так или иначе грозила всем. Было непонятно, кто разъярен больше: Дэме-отец или Дэме-рабочий.

Не обращая внимания на спор, затеянный господином Дэме с мэром Боваля, госпожа Керневель решила взять инициативу в свои руки. Она зашла в дом и позвонила.

Появления жандармов госпожа Куртен уже не смогла вынести. Она бросилась на улицу.

Соседи продолжали собираться, прохожие останавливались, информация передавалась из уст в уста. Те, кто не смог поместиться в саду Дэме, расположились на улице. Вся эта маленькая толпа перемещалась, переговаривалась, приглушенно перекликалась. Люди перешептывались, в гуле голосов преобладала серьезная озадаченная тональность.

Антуан не мог думать ни о чем, кроме жандармского пикапа. Он частенько проезжал по городу, жандармов знали в лицо, они с удовольствием заглядывали в кафе, подчеркнуто заказывали только безалкогольные напитки и всегда оплачивали свои заказы. Иногда они выступали посредниками во время стачек, при передаче официальных документов. Их появление всегда превращалось в событие, все спрашивали друг у друга, в чем причина. А если пикап останавливался не слишком далеко, с любопытством подходили поближе.

Антуан не разбирался в знаках отличия и решил, что их шеф очень молод. И ему почему-то стало спокойней. Трое жандармов протиснулись сквозь толпу, чтобы попасть в сад.

Шеф задал несколько вопросов госпоже Дэме.

Напряженно прислушиваясь к ее ответам, он взял мать Реми за руку и заставил вернуться в дом.

Господин Дэме пошел за ними, напоследок обернувшись, чтобы бросить взгляд на мэра, который, в свою очередь, тоже пытался к ним присоединиться.

Потом все исчезли. Дверь захлопнулась.

Небольшая толпа распалась на группки по интересам: рабочие мануфактуры Вейзера, знакомые между собой соседи, родители школьников. Никто не проявил ни малейшего желания разойтись.

Антуан заметил, что атмосфера изменилась.

Появление сил охраны порядка вознесло мелкое обстоятельство в ранг настоящего события. Речь уже шла не об отдельном происшествии, но о чем-то, что касалось всего общества. Антуан это почувствовал. Голоса стали сдержаннее, вопросы – тревожнее; происходящее принимало в его глазах все более угрожающий характер, поскольку касалось его непосредственно.

Он поспешно закрыл окно: ему срочно требовалось вернуться в туалет. Антуан присел на унитаз и согнулся пополам. Ничего не получалось. В животе бурлило, его мучили жуткие спазмы. Он прижал руки к животу...

И тут он различил какой-то шум... Боль сразу прекратилась, он поднял голову. Антуан вспомнил оленя, которого однажды заметил в лесу. Тот замер и только медленно поворачивал голову, нюхая воздух и стараясь услышать то, чего не мог видеть. Он

почувствовал присутствие Антуана и тут же превратился в затравленное животное, нервное и напряженное...

Антуан сразу догадался, что мать не одна. Снизу доносились какие-то голоса. Мужские. Он поднялся с горшка и, не успев застегнуть ремень джинсов, проскользнул к себе.

– Сейчас я за ним схожу, – говорила мать, поднимаясь по лестнице.

Антуан отскочил как можно дальше от двери. Следовало бы взять себя в руки, но он не успел.

– Там жандармы, – сказала она, входя. – Хотят поговорить с тобой.

В ее тоне не было никакого беспокойства. Антуану даже послышались нотки удовольствия: ее сын, а значит, и она сама стали объектом интереса властей, их мнение хотят знать, от них ждут ответа. Все это придает значимости.

– Поговорить со мной... о чем? – спросил Антуан.

– Ну... о Реми, разумеется!

Госпожу Куртен поразила вопрос Антуана. Но появление жандарма еще сильнее выбило их обоих из колеи.

– Вы позволите?..

Он вошел в комнату. Медленно, но уверенно.

Антуан не мог бы назвать его возраст, но в любом случае он был не так молод, как казался в саду. Жандарм дружелюбно взглянул на мальчика, быстро окинул взглядом комнату, подошел к Антуану и опустился перед ним на колени. У него были тщательно выбритые щеки, живые и проницательные глаза и довольно большие уши.

– Скажи-ка мне, Антуан, ты ведь знаком с Реми Дэме?

Антуан сглотнул и утвердительно кивнул. Жандарм протянул руку к его плечу, но не дотронулся до него.

– Не надо бояться, Антуан... Я просто хочу знать, когда ты в последний раз его видел.

Антуан поднял глаза и увидел, что мать, стоя у двери, с удовольствием и даже с гордостью наблюдает за этой сценой.

– Смотреть надо на меня, Антуан. Отвечай.

Голос его изменился, теперь он стал тверже. Жандарм ждал ответа... Которого Антуан-то как раз и не придумал. С госпожой Дэме было проще. Чтобы набраться храбрости, он повернулся к окну.

– В саду, – удалось ему выговорить. – Там, у них в саду...

– Сколько было времени?

Антуан почувствовал облегчение оттого, что голос его не слишком дрожал. Не больше, чем у любого двенадцатилетнего мальчишки, отвечающего на вопросы жандарма.

Он задумался: что же он только что сказал госпоже Дэме?

– Примерно полвторого, что-то вроде того...

– Хорошо. А что Реми делал в саду?

Ответ прозвучал неожиданно:

– Смотрел на мешок с собакой.

Жандарм нахмурился. Антуан прекрасно понимал, что без разъяснений его ответ непонятен.

– Ну, в общем, отец Реми... Вчера он убил свою собаку. И положил ее в мешок для мусора.

Жандарм улыбнулся:

– Ну и ну, ишь ты, что у вас тут в Бовале делается...

Но Антуан был не расположен шутить.

– Ладно, – продолжал жандарм. – И где же этот мешок для мусора?

– Там, – отвечал Антуан, указывая через окно на соседский сад. – Рядом со строительным мусором. Он выстрелил в нее и положил в мешок для мусора.

– Так, значит, Реми был в саду и смотрел на этот мешок, так?

– Да. Он плакал...

Жандарм поджал губы: мол, да, да, понимаю...

– И потом ты его больше не видел...

Нет, отрицательно покачал головой Антуан. Жандарм, не разжимая губ, внимательно смотрел на него, сосредоточенно размышляя над тем, что только что услышал.

– А ты не видел, чтобы останавливалась какая-нибудь машина или что-то в этом роде?

Нет.

– Ты хочешь сказать, ничего необычного?

Нет.

Жандарм хлопнул ладонями по коленям: ладно, но это еще не все...

– Спасибо, Антуан, ты очень помог нам.

Он поднялся. Выходя, он едва заметно сделал знак госпоже Куртен, приглашая ее за собой на лестницу.

– Ах да, скажи-ка мне, Антуан... – Он остановился на пороге и обернулся. – Когда ты увидел его там, в саду... сам-то ты куда шел?

Рефлекторный ответ:

– К пруду.

Антуан и сам почувствовал, что ответил слишком быстро. Чересчур быстро.

Тогда более спокойно он повторил:

– Я был на пруду.

Жандарм кивнул: значит, на пруду. О'кей, ладно.

Жандарм в сомнении остановился на тротуаре возле дома.

Толпа на улице постепенно уплотнялась и все больше беспокоилась.

Раздавались нетерпеливые громкие требования прояснить обстановку. С наступлением вечера возвращение Реми становилось все менее вероятным. Что будем делать? Кто за что возьмется? Мэр метался от сбившихся в кучку рабочих к жандармскому пикапу, пытаясь успокоить одних и расспросить других... Не следовало исключать возможность коллективного возмущения, потому что каждый, разумеется по своим, особым причинам, ощущал себя жертвой несправедливости и видел в этой ситуации возможность высказаться.

Молодой жандарм встрепнулся. Хлопнув в ладоши, он подозвал своих коллег.

Кто-то принес план местности. Жандарм обратился за помощью к жителям, и добровольцы, как в школе, подняли руки. Их пересчитали. Обнаружив исчезновение Реми, госпожа Дэме самостоятельно обследовала центральные кварталы, теперь же каждый получил задание патрулировать внешние зоны шоссе и проселочные дороги, ведущие в Боваль.

Заурчали моторы. Усаживаясь за руль, мужчины поводили плечами. Казалось, они отправляются на охоту. Мэр тоже погрузился в свой муниципальный автомобиль, чтобы принять участие в поисках. И хотя все собирались потрудиться на благо общества, в атмосфере витал какой-то завоевательный и мстительный дух, некая энергия разрушительной воинственности, часто сопутствующие самосудам и погромам.

Глядя из окна на сборы, Антуан почему-то был убежден, что все эти люди, удаляясь от него, на самом деле движутся ему навстречу.

Молодой жандарм не сразу сел в машину. Он задумчиво наблюдал за всеобщей решимостью. Возможно, нелегко будет остановить то, что сейчас только набирало обороты.

По департаменту объявили тревогу.

Во все публичные места были разосланы фотографии и описание примет маленького Реми.

Женщины по очереди приходили в дом Дэме, чтобы составить компанию Бернадетте. Разложив покупки и приготовив ужин, госпожа Куртен крикнула сыну снизу:

– Я к Бернадетте!

Ответа она не дождалась. Антуан видел, как мать торопливо пересекла сад.

Мальчик был совершенно подавлен встречей с жандармом, он почувствовал, что тот проницателен, подозрителен...

И не поверил ему.

Эта мысль буквально пронзила Антуана. Он уверился в этом, увидев, что тот долго стоит на улице, словно обдумывая сказанное Антуаном, размышляя, не следует ли снова подняться и потребовать уточнений.

Антуан смотрел на опустевший соседский сад и не смел пошевелинуться. Едва он обернется, жандарм сразу окажется здесь, в его комнате, запрет дверь, усядется на кровати и пристально уставится на него. Снаружи станет удивительно тихо, как будто город лишился жизненных сил.

Жандарм выдержит длинную паузу, и Антуан поймет, что его собственное молчание – это признание. И ничего тут не поделаешь.

– Значит, ты был на пруду...

Антуан кивает: да.

Вид у жандарма расстроенный, он сжимает губы и издает ими звук, выражающий разочарование.

– А знаешь, Антуан, что теперь будет? – Жандарм кивает в сторону окна. – Они вот-вот вернутся. Большинство из них, конечно, ничего не обнаружит, но вот господин Дэме остановится на дорожке... Той, что ведет в лес Сент-Эсташ...

Антуан сглатывает слюну. У него нет никакого желания слушать продолжение, но жандарм решительно настроен рассказать все.

– Он найдет твои часы, доберется до старого бука. Нагнется, пошарит в яме рукой и нащупает что-то. Потянет – и что появится, а, Антуан? Малыш Реми... Совершенно мертвый. С безвольно висящими ручками и ножками, с головкой, болтающейся как тогда, когда ты нес его на спине. Помнишь?

Антуан не в силах шелохнуться, он открывает рот, но не может выдать ни звука.

– Тогда господин Дэме возьмет сына на руки и понесет домой. Представляешь себе зрелище: господин Дэме идет по Бовалю с мертвым сыном на руках, а за ним все жители... И что же он сделает, по-твоему? Он спокойным шагом войдет в дом, передаст Реми его матери, возьмет ружье, пройдет через сад, поднимется по лестнице и появится здесь...

В это мгновение на пороге возникает господин Дэме с ружьем. Он такой высокий, что вынужден наклонить голову, чтобы пройти в дверь. Жандарм не двигается, он пристально смотрит на Антуана: я ведь тебя предупреждал, чего же ты от меня теперь хочешь?

Господин Дэме приближается, прижав ружье к бедру, его тень надвигается и закрывает от Антуана окно у него за спиной и весь город за окном...

Выстрел.

Антуан завопил.

Он стоял на коленках и держался за живот. Его вырвало, и на полу растеклось немного желчи.

Он бы отдал все, чтобы оказаться подальше отсюда!

От этой мысли он мгновенно пришел в себя.

Оказаться подальше отсюда...

Вот что ему надо сделать. Бежать.

Пораженный столь очевидным решением, он поднял голову. Как же он раньше не догадался! Эта мысль вывела его из оцепенения. Мозг вновь заработал в полную силу. Антуан пришел в небывалое возбуждение. Он утер губы рукавом и заметался по комнате. Чтобы ничего не забыть, схватил тетрадь и фломастер и принялся лихорадочно записывать все, что приходило на ум: одежда, деньги, поезд, самолет (?), Человек-паук, паспорт! Документы, еда, палатка (?), дорожная сумка...

Надо поторапливаться. Уехать сегодня вечером. Или ночью.

Тогда завтра утром, если все пойдет хорошо, он будет уже далеко.

Он отбросил мысль тайком сбежать попрощаться с Эмили: она все разболтает, тут и думать нечего. Лучше так: завтра она узнает, что Антуан уехал один куда глаза глядят, и никогда больше ничего о нем не услышит... Или нет: он будет посылать ей открытки со всего света, она станет показывать их одноклассникам, а по вечерам плакать, разглядывая их, и будет хранить их в коробке...

В каком направлении двигаться? Решат, что он поехал в сторону Сент-Илэра, значит

надо в другую. Антуан не знал, куда именно, потому что прежде уезжал из Боваля только в Сент-Илэр. Посмотрит по карте.

Мозг продолжал лихорадочно работать. Любая проблема тут же находила решение. Вокзал Мармона в восьми километрах, он пойдет ночью, держась подальше от шоссе. Там надо купить билет. Чтобы его не узнали, он кого-нибудь попросит. Эта уловка ему очень понравилась. Проще обратиться к какой-нибудь женщине. Он скажет, что мама привезла его на вокзал и уехала, а отдать билет забыла... Он покажет деньги... Деньги! Сколько у него на счете?

Он сбежал вниз и выдвинул ящик комода в прихожей, едва не уронив его. Сберегательная книжка была на месте! Отец добросовестно снабжал его на каждый день рождения. Тысяча пятьсот шестьдесят пять франков! До сегодняшнего дня эта сумма представлялась ему совершенно абстрактной, мать вечно твердила, что он сможет распорядиться ею, но «лишь когда станет совершеннолетним, чтобы приобрести что-нибудь полезное». Она сделала исключение единственный раз, в прошлом году (после изрядного сопротивления!), ради покупки часов для подводного плавания.

Часы...

Антуан взбодрился.

У него на счете больше полутора тысяч франков! С такими деньжищами он может уехать далеко, хоть на край света!

В крайнем возбуждении он отнес сберкнижку к себе в комнату. Спокойно, во всем требуется порядок, метода. Ему не терпелось выбрать направление. Сперва поездом до Парижа? Или до Марселя? Наиболее надежными пунктами назначения ему представлялись Австралия и Южная Америка. Но он не был уверен, что туда можно добраться из Марселя... Разберется на месте. Лучше всего сесть на корабль, он бы мог наняться исполнять какую-нибудь работу, чтобы оплатить билет и сэкономить деньги, которые ему понадобятся там... Он махнул рукой куда-то в сторону глобуса... Нет, потом... Ночью... Чемодан, нет, дорожная сумка, коричневая, которую мать держит в подвале. Антуан сбежал вниз. Поднявшись к себе, заметил, до чего она огромная. Сумка почти волочилась по полу, когда он тащил ее. Не будет ли осммотрительнее взять с собой что-нибудь другое, рюкзак например? Он положил их рядом на кровать. Одна оказалась слишком велика, другой – слишком мал... Принять решение, быстро. Антуан выбрал рюкзак и тут же начал складывать в него носки и футболки. Человека-паука он сунул в наружный карман, а потом спустился в подвал, чтобы положить на место дорожную сумку и взять паспорт и документ, который мать справила ему, когда он ездил к отцу в Германию. Как это называется? А, разрешение на выезд. Интересно, оно еще не просрочено?

Он был погружен в размышления, когда внизу открылась дверь.

Он узнал голоса матери, Клодины и госпожи Керневель.

Антуан потихоньку выскользнул в коридор.

Госпожа Куртен принялась заваривать чай. Все трое продолжали начатый на улице разговор:

– Куда мог запропасться этот мальчишка?

– В озере утонул, – ответила Клодина, – иначе как, по-твоему, он мог пропасть? Упал в воду, точно...

– В это уже никто не верит, бедняжка Клодина, – возразила госпожа Керневель. – С тех пор, как мы повидали того шоферюгу...

– Что? Какого шоферюгу?

– Да ну тебя, Клодина! Того, что сбил пса господина Дэме!

В голосе госпожи Керневель слышалось раздражение. В ее оправдание следует сказать, что Клодина была девушка очень милая, но полная идиотка, и объяснить ей что-нибудь... Прибегнув к педагогическому тону, которым она обычно поучала Антуана, в дело вмешалась госпожа Куртен:

– Мы говорим про лихача, который вчера сбил собаку Дэме... И вот сегодня кто-то заметил возле озера его машину. Значит, этот человек рыщет поблизости...

– А я думала, малыш потерялся...

Клодину буквально сразило это открытие.

– Подумай, Клодина: Реми не видели с часу дня, а сейчас уже почти шесть вечера. Его искали повсюду, он не мог далеко уйти, ему всего шесть лет!

– А может, его... Вдруг его похитили, боже мой! Но зачем?

На сей раз никто не ответил.

Антуан не мог бы объяснить почему, но разговор о похищении его успокоил. Ему казалось, такая гипотеза отводит от него подозрения.

Снаружи послышался звук приближающихся автомобилей. Он поспешил к окну.

Подъехали три машины. С наступлением темноты поиски прервались. Появилась четвертая. Потом настал черед транспорта, принадлежавшего муниципалитету. Мэру пришлось припарковаться на улице. Мужчины переговаривались тихими голосами. Их волевой решительный настрой пропал, теперь вид у них был натянутый и несколько виноватый.

Госпожа Дэме не стала ждать, пока кто-нибудь наберется храбрости, чтобы сообщить ей, что они вернулись ни с чем. Она поспешно вышла из дому, с искаженным горем лицом выслушала отчет одного, потом другого. Казалось, каждое новое сообщение все больше и больше пригибает ее к земле. Мужчины, впустую потратившие время, наступившая темнота, часы, прошедшие с момента исчезновения ребенка... Наконец появился господин Дэме. Из машины показались его понурые плечи. Увидев мужа, Бернадетта покачнулась, Вейзер едва успел подхватить ее.

Подбежал господин Дэме, поднял жену на руки, и печальное шествие двинулось к дому.

Белое как мел лицо Бернадетты, круги под глазами, то, как она впиалась зубами в сжатый кулак, как внезапно лишилась чувств, – все это потрясло Антуана.

Как бы он хотел вернуть ей Реми!

И он заплакал. Слезы медленно катились по щекам. Его охватила глубокая печаль, ведь он-то знал, что Бернадетта никогда не увидит своего сыночка живым.

Скоро она увидит его мертвым.

Накрытым простыней, на алюминиевом столе. Она прижмется к мужу, тот обнимет ее за плечи. Служащий морга осторожно приподнимет белую ткань. Она увидит посиневшее, безучастное лицо Реми с огромной гематомой во всю правую половину головы. Она разрыдается, господин Дэме будет поддерживать ее, чтобы она не упала. Выходя, он знаком даст понять пришедшему с ними жандарму, что да, это он, это наш малыш Реми...

Через несколько минут прибыл пикап жандармерии.

Антуан увидел, как капитан в сопровождении двоих коллег пересек соседский сад и позвонил в дверь. Затем они прошли в обратном направлении, но на сей раз с господином Дэме, широко шагавшим между ними. Он кипел от ярости.

Все четверо направились к пикапу, вокруг которого тут же столпились все присутствующие.

Услышав крики, Антуан открыл окно.

— Куда вы его увозите?

— По какому праву?..

— Пропустите их! — кричал мэр, делавший все возможное и невозможное, чтобы помешать схватке горожан с блюстителями порядка.

— Значит, мэр нынче заодно с жандармами? Против простых людей?

Жандармы, терпеливые и сосредоточенные, довели Дэме до машины, приказали ему погрузиться и тут же отбыли.

Большинство присутствующих сразу бросились к своим автомобилям и пустились за пикапом...

Антуан не знал, что и думать.

Почему увели отца Реми? Его в чем-то подозревают?

Ах, если бы могли арестовать кого-то другого, а не его, Антуана. Лучше всего господина Дэме, которого Антуан так боится... Он вспомнил о Бернадетте, которая видела, как уводят ее мужа... Раздираемый столь противоречивыми соображениями, Антуан уже не знал, что и думать...

Клодина и госпожа Керневель ушли, госпожа Куртен принялась разогревать ужин.

Антуан молча продолжил сборы. Рюкзак у него был маленький, он не мог сложить туда все, что ему хотелось. Ну и ладно, деньги у него есть, по пути он купит все, что может понадобиться.

Около половины восьмого мать позвала его ужинать.

— Это ж надо, какие дела...

Она скорее обращалась к самой себе, чем к Антуану.

До сих пор она воспринимала пропажу Реми как факт из разряда происшествий, что-то случившееся где-то по соседству, о чем годы спустя все еще иногда вспоминают. Потому что была убеждена, что маленький Дэме вот-вот объявится. К тому же ее рассудок отказывался понимать, что мальчик действительно мог пропасть. Госпожа Куртен могла привести массу примеров, когда искали пропавших детей...

Накрывая на стол, она рассказывала Антуану:

— Представляешь, сын соседки твоей тети... Ему было четыре года. Уснул в комод для белья, клянусь тебе! Его искали несколько часов, уже вызвали жандармов, и тут сноха обнаружила его...

Они одновременно увидели, как окна осветились полицейскими мигалками. Госпожа Куртен вскочила первая и открыла дверь.

Жандармский пикап затормозил не перед домом Дэме, а возле их калитки.

Госпожа Куртен торопливо сдернула фартук. У нее за спиной стоял Антуан.

К ним направлялся молодой жандарм.

Антуан думал, что сейчас умрет.

— Простите за беспокойство, госпожа Куртен. Но нам хотелось бы побеседовать с вашим сыном...

Говоря это, жандарм нагибался и оглядывался по сторонам, ища Антуана взглядом. Госпожа Куртен нахмурилась:

— Но зачем...

– Простая формальность, только и всего. Антуан?

На сей раз жандарм не стал садиться на корточки, чтобы стать одного с ним роста.

– Не прогуляешься ли со мной, дружок?

Антуан прошел с ним до соседского сада, к двум другим жандармам. Там уже ждал господин Дэме. Лицо его не предвещало ничего хорошего. Он не спускал с Антуана злого взгляда.

Жандарм повернулся к мальчику:

– Покажи мне точно то место, где ты в последний раз видел Реми.

Все смотрели на него. Позади стояла мать.

Что он ответил Бернадетте? Что сказал жандарму? Он уже толком не помнил и боялся запутаться. Он говорил о собаке. Антуан не шелохнулся. Жандарм повторил вопрос:

– Антуан, прошу тебя, покажи мне точно, где он находился.

Антуан догадался, что жандарм специально встал так, чтобы закрыть от него груды мусора. Вдруг все показалось ему не таким ужасным. Он шагнул вперед, протянул руку:

– Там.

– Встань туда, где стоял он.

Антуан дошел до мусорных мешков. Представил себе сцену. Он увидел, как идет по улице, замечает возле мешка плачущего Реми...

Он сделал еще шаг. Здесь.

Подошел жандарм, ухватил первый мешок, открыл его и заглянул внутрь. Господин Дэме, сложа руки, наблюдал за происходящим.

В светящемся проеме двери вырисовывался силуэт Бернадетты в накинутах на плечи пальто. Она обеими руками прижимала к горлу воротник.

– Так что же делал Реми? – спросил жандарм.

Слишком долго. Несколько минут Антуан еще мог бы выдержать, но тут, в этом саду, где с темнотой боролся только фонарь над воротами и слабое уличное освещение, ощущать, что тебя внимательно изучают глаза Бернадетты, господина Дэме, жандарма, матери, которая силится понять, к чему все это... Да еще люди, что останавливались за забором, чтобы поглазеть на необычное зрелище.

Антуан расплакался.

– Все наладится, малыш, – сказал жандарм, взяв его за плечо.

И тут все слышали глухой шум, словно далекий звук больших птичьих крыльев. Над лесом, со стороны Сент-Эсташа, летел вертолет, и дрожащий луч его прожектора упирался в землю.

Сердце Антуана билось в том же ритме, что невидимые лопасти пропеллера вертолета, выписывающего круги в ночном небе.

Жандарм повернулся к господину Дэме и приложил указательный палец к козырьку:

– Спасибо за сотрудничество... Объявлен розыск, мы будем держать вас в курсе, если появятся новости, разумеется...

Вместе с коллегами он сел в пикап и уехал.

Все разошлись по домам.

– Они пытаются разобраться, как это произошло... – сказала госпожа Куртен.

Она закрыла дверь на ключ и вернулась в гостиную.

Антуан стоял у входа, не сводя глаз с телевизора, где во весь экран показывали лицо Реми: улыбающегося, с приглаженными волосами. Его сфотографировали в прошлом году в

школе. Антуан знал эту желтую футболку с голубым слоником.

Комментатор давал описание ребенка: что на нем было надето, когда он пропал; куда он предположительно мог направиться. Рост метр пятнадцать.

Поди знай почему, но эта цифра разбила Антуану сердце.

Было зачитано обращение к возможным свидетелям, бегущая строка внизу экрана сообщала номер телефона для экстренной связи. Предполагалось задействовать водолазов, чтобы обследовать пруд. Антуан представил себе расставленные на ведущей к пруду дороге пожарные машины с мигалками, сидящих на бортиках резиновых лодок аквалангистов, стремительным и точным движением опрокидывающихся назад...

Журналистке было лет сорок, Антуан часто видел ее на телеэкране, но сегодня он смотрел на нее другими глазами, потому что она говорила значительно, почти торжественно: «Первые поиски результатов не дали...»

Показали несколько видов Боваля, немного устаревших, наверное из архива. И несколько планов с жандармскими автомобилями, патрулирующими окрестности.

«Темнота вынудила следователей отложить продолжение своих поисков на завтра».

Антуан не мог оторваться от экрана. Он испытывал поразительное ощущение дежавю, он часто слышал сообщения о трагических происшествиях, но на сей раз оно касалось его непосредственно, потому что он был убийцей.

«...судебной информации для расследования причин исчезновения прокуратурой города Вильнёв».

— Антуан, ты идешь за стол? — спросила госпожа Крутен. Повернувшись к сыну, она заметила, что он неестественно бледен. — Не удивлюсь, если ты там что-то замышляешь...

Антуан поужинал очень легко, то есть вообще ничего не съел. Не хочу.

– Ну еще бы! – сказала мать. – После всего того, что случилось...

Антуан помог ей убрать со стола, а потом, как всегда по вечерам, подошел к матери, подставил щеку для поцелуя и поднялся в свою комнату.

Надо было подготовиться, дособрать рюкзак... Во сколько ему уходить, чтобы никто не увидел? В темноте...

Он вытащил из-под кровати свои вещи, и внезапно его охватило сомнение: а как он получит деньги с книжки?

Когда мать в виде исключения соглашалась на то, чтобы снять какую-то часть – например, чтобы купить часы, – она всегда сама ходила на почту: ты не можешь пойти один, надо быть совершеннолетним... А он, значит, подойдет к окошку, у него попросят удостоверение личности, да нет, зачем? Просто посмотрят на него, этого достаточно... Нет, мальчик, так нельзя... ты должен прийти с мамой или папой...

Без денег бегство невозможно.

Все пропало. Ему придется остаться и ждать, когда его арестуют.

Антуан был подавлен, но меньше, чем мог бы быть.

Он новыми глазами взглянул на свою комнату. И набитый носками и футболками рюкзак с торчащим из наружного кармана Человеком-пауком сразу показался ему нелепым.

Он упивался мыслями о побеге, но верил ли он в него по-настоящему?

На него вдруг навалилась чудовищная усталость. Слезы закончились. Он чувствовал себя совершенно измотанным.

Засунув рюкзак под кровать, а сберкнижку и документы в ящик письменного стола, он рухнул на постель.

Во сне ему вновь привиделось, что он бредет к большому буку с Реми на спине. Перед глазами то и дело возникали безвольно повисшие детские ручки. Ему никак не удавалось продвинуться вперед. Несмотря на все его усилия, расстояние не сокращалось. Тогда он глянул под ноги, где валялись его часы. Они были точно такие, как в жизни, с флуоресцентным зеленым браслетом, только еще большего размера. Не заметить их было невозможно. Реми куда-то делся с его плеч. Вместо него Антуан тащил теперь гигантские часы, которые весили больше, чем ребенок. Он шел по лесу, удаляясь от Сент-Эсташа.

Услышав какой-то звук позади себя, он остановился и обернулся.

Это был Реми. Он лежал на животе в темной могиле. Он не умер, только поранился, но жестоко страдал, потому что у него были сломаны ребра и ноги. Реми тянул руки к краю могилы, к свету. К Антуану. Он звал на помощь, он хотел, чтобы ему помогли вылезти из этой ямы. Он не хотел умирать.

Антуан!

Реми вопил не умолкая.

Антуан попытался помочь ему, но ноги не шли; он видел, что малыш тянет к нему руки, слышал его мольбы, переходящие в завывания...

Антуан!

Антуан!

Антуан!

– Антуан!

Внезапно он проснулся. На краю постели сидела мать и, прижав ладони к груди, с беспокойством смотрела на него.

– Антуан...

Очнувшись, он сел в постели. И сразу все вспомнил.

Который час?

В комнату с первого этажа проникал желтый свет.

– Ты так кричал, что напугал меня... Антуан, ты что-то скрываешь?

Антуан сглотнул слюну и отрицательно покачал головой.

– А, скажи? Ты что-то скрываешь?

Может, пора во всем признаться? Если бы он окончательно проснулся, то, конечно, поддался бы искушению освободиться от чересчур тяжелого для него груза. Он бы все рассказал маме, все. Но он с трудом понимал, что происходит.

– Ты спишь одетый, прямо в ботинках... Это на тебя не похоже... Если ты заболел, почему не сказал мне?

Мать накрыла его ладонь своей; он отдернул руку. Физический контакт с ней был ему неприятен.

Она не чувствовала себя задетой, все подростки такие, она читала статьи на эту тему. Не следует принимать подобное поведение на свой счет, тут дело в возрасте. Пройдет со временем.

– Ты нездоров?

– Все в порядке, – ответил Антуан.

Госпожа Куртен приложила ладонь ко лбу Антуана. Она всегда так делала.

– Конечно, тебя тоже выбила из колеи эта история. Да еще жандармы со своими вопросами... само собой, ты к такому не привык...

Она смотрела на него с нежной улыбкой. Обычно такое отношение раздражало Антуана: нечего на меня так смотреть, я не младенец, – но на сей раз он уступил, ему хотелось утешения. Антуан прикрыл глаза.

[Купить полную версию книги](#)